

ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Елена Викторовна Валеева,

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал), ev.visual@mail.ru

• образовательный идеал • образность • образовательные и культурные табу

Сегодня возникла тупиковая ситуация, в которой оказалось гуманитарное образование, поскольку «гуманитаристика не может внятно ответить, зачем существует, в чём практический смысл её деятельности» [15, с. 204]. Разговоры на тему о том, что «всем хорошим в себе я обязан книгам», кажутся устаревшими, ибо никто из современных молодых людей в их смысл не верит. «Гуманитаристика стала «ненужной» сферой общественной жизни, её сдали в утиль вместе с обветшавшими идеологическими догмами и различными историческими пережитками... Гуманитарное знание утратило свои динамические характеристики в результате бегства от действительности, заменив пребыванием в истории свою деятельность в настоящем» [15, с. 204]. Пройдя стадии идеального, то есть оторванного от повседневной реальной жизни, и материального, когда происходило смещение интереса в сторону решения сугубо практических задач, школа попала в состояние виртуализации, то есть промежуточного состояния между этими крайностями. Такая образовательная виртуальность имеет потенциальную возможность перевода виртуального знания в актуальное, востребованное жизнью. При этом гуманитаристика может стать новой образовательной идеологией.

Сегодня важно понять, какова роль гуманитаристики в обогащении современника и современной культуры, если отечественное образование в большей степени оказалось инструментальным и тотально-техническим? Отечественное образование находится в состоянии тотальной технизации, т.е. вытеснения своих основ. Доминировавший до сих пор подход, опирающийся на передачу знаний и потом выработку на их основе умений и навыков, оказался непродуктивным,

поскольку до сформированных навыков и закреплённых умений дело часто не доходило: не было ни времени, ни достаточных средств. В результате мы имеем специалистов, которые в действительности таковыми не являются, ибо сконцентрированы на выполнении одной функции. Образование создавало «человека-функцию». Сложилась такая ситуация, когда высшее образование потеряло свою цену, сократило свои задачи до минимума (общие сведения). Обучение в вузе обесценилось. Для многих образование – лишь способ вложения капитала, вид приданого. Выросло целое поколение людей, которое изначально не ориентировано работать по специальности, настроено не на овладение будущей профессией, а на получение только диплома. Сегодня в педагогическом образовании почти не осталось предметников: результаты ЕГЭ в 2014 году не утешительны. Причину кризиса отечественного образования многие исследователи видят в его технократическом «перекосе», который произошёл «за счёт отставания гуманитаристики. И коль скоро основная функция образования — трансляция культурного опыта поколений в формах знания, то именно здесь следует искать причину социальных потрясений» [2, с. 9–16]. Кризис современного отечественного гуманитарного образования – это закономерная стадия развития, которая характеризуется исчерпанностью предыдущего ресурса и необходимостью введения нового.

Можно сказать, что за последние годы уже произошла гуманитаризация высшего образования, когда выпускник знает обо всём понемногу и даже не планирует работать по полученной в вузе специальности, то есть не будет этим профессионально потом заниматься.

Сложное для России время 90-х годов XX столетия совпало с пятым циклом индустриального развития, который связан с фундаментальными разработками информационных систем. Первые четыре цикла известный экономист и социолог Й. Шумпетер соотносит с использованием человеком энергии падающей воды в своей производственной деятельности; с изобретением парового двигателя; с изобретением и широким применением электрической энергии и энергии, высвобождающейся в результате химической реакции; с открытием возможности использования ядерной энергии и становлением электроники как самостоятельной отрасли [9]. Очевидно, что экономическое развитие страны вытесняет человека из процесса производства, которое всё больше опирается на компьютерные технологии. Парадоксальность ситуации в том, что в конце XX века в России произошло уменьшение технизации благодаря как раз распространению «специалистов общего профиля». Однако это обстоятельство не привело к остановке девальвации гуманитаристики. Выпускник вуза сегодня часто только полагает, что разбирается в технике, потому что она не приемлет приближительности, но он и не имеет большого представления о гуманитарных основах. В настоящее время перед нами разворачиваются два взаиморазрушающих процесса в образовании, приведшие к исчезновению специалистов как в техническом знании, так и в гуманитарном. Отечественное образование в настоящее время спасается именно за счёт компьютеризации, как это ни странно, которая активно внедрилась и в сферу гуманитарного образования.

«Человек-функция» стал активно вытесняться «человеком-клавишей», что нашло потом отражение в практике ЕГЭ. Человеческое пространство стало вращаться вокруг клавиши, сформировав новый тип россиянина. «Эта цифровая, двоичная система — «да — нет», «плюс — минус» — не позволяет наслаждаться ни литературным языком, ни историей России, ни поэзией. Они становятся сегодня собственностью компьютерного обучения...», — говорит Д.А. Гранин [5]. Нажав кнопку, человек открывает мир, однако это уже не мир, рождённый воображением. Новый мир этого нового человека рождён не челове-

ком, а машиной. Всё это рождает у человека ощущение собственной ненужности, что, к сожалению, не учитывается в образовании, хотя педагоги активно ищут новые технологии работы с учеником [2, с. 9–16].

Эффективность гуманитарного образовательного процесса можно оценивать как по благополучию, так и по неблагополучию современного человека. Неблагополучие (сначала рождённое в семье, а потом закреплённое школой) способствует формированию несчастного человека, о котором, в результате, все забыли. Так, современному образованию недостаёт человечности.

Во-первых, орудием понимания всегда был и остаётся язык. Между тем, мы имеем выпускника школы или специалиста, который не обладает навыками коммуникации. Более того, его коммуникативные неудачи заканчиваются одиночеством. Между тем диалогика становится философией Другого, без интереса к которому не может быть продуктивного общения. Общекоммуникативный кризис выражается и в том, что собеседнику признательны, если он не говорит о проблемах. Разговор ни о чём и обо всём сразу — лучшая форма беседы. Внешняя (даже подчёркнутая) весёлость скрывает внутреннюю неудовлетворённость и тревогу.

Текстовый минимализм отчасти подкрепляется и тестовыми заданиями, что рождает несостоятельную языковую личность. Языковая личность — это человек, способный найти понимание с другим человеком, открытый миру. Между тем современный человек иномирен собственной культуре, поскольку больше не находит в ней ответы на свои вопросы. Австрийский писатель Роберт Музилль в начале прошлого века обозначил новый тип героя в виде «человека без свойств». Восстановление человеческих свойств — задача гуманитаристики, однако сокращены часы на изучение литературы. Преподавание гуманитарных дисциплин сведено к монотонному обзорному монологическому изложению фактов жизни писателя и краткому пересказу его произведений или к заучиванию правил орфографии и пунктуации, схем и алгоритмов написания части С, ориентированных на требования сдачи ЕГЭ. Педагогическая практика показывает и то, что многие учителя заменяют уроки литературы в старших классах на решение тестов

по русскому языку, что, безусловно, обедняет словарный запас ученика и снижает его культурный уровень. «...нельзя допустить существование смысла вне языка, зато вполне можно проследить бессмысленное употребление слов и отказ от него» [6]. Об этом свидетельствует большое количество в пространстве Интернета своеобразных «сетевых платформ». «Сетевые платформы» — это «базы данных или просто организованный сайт, который становится одним из центров формирования художественной практики» [4]. Нарушение правил орфографии возводится в культ, что отражают названия популярных сериалов, например, сериала «Деффчонки». Новое мышление находит отражение и в соединении русского и английского языков («Страна в Shope», «Наша Russia»).

Б.В. Марков давно «забил тревогу», анализируя парадоксальное явление в культурном пространстве города — «отсутствие артикулированных речей» [10, с. 181]. Он отмечает, что наррация у современных молодых людей считается чем-то неприличным, признаком какого-то старческого безумия. Вместо разговоров — улыбки и взгляды или СМС-общение смайликами. Движение за резервные возможности человека должно включать в себя и лингвистическое исцеление, возвращение родному слову богатства, гибкости и полнозвучия.

Во-вторых, о падении интереса к образно-метафорическому освоению действительности и о снижении авторитета литературы как «учебника жизни» свидетельствует нежелание нынешних выпускников выбирать литературу в качестве ЕГЭ. Подобное выталкивание литературы в область ненужного и ненужного знания ведёт к разрушению отечественных образовательных традиций. Диссонированные связи культуры и образования отражаются в познавательном пространстве отдельного субъекта, которому культура становится не нужна, а «ненужность» — это невостребованность обществом, иномирность.

Русская культура в основе своей словоцентристская. Однако сегодня словесная составляющая в гуманитарном образовании активно и не всегда оправданно вытесняется зрительной благодаря внедрению мультимедийных средств и компьютерных

технологий. Очевидно, что огромная часть информации приходится на телевидение и Интернет. Более того, современные электронные каналы распространения информации отчасти структурируют общество, а потому любая попытка отказа от этих источников является заведомо невыполнимой. С другой стороны, использование этих ресурсов проблематизирует возможности формального образовательного процесса, который базируется на более «медленных» технологиях чтения и письма.

Проблема в том, что окружающий человека мир для современного молодого человека часто интереснее его внутреннего мира, поскольку человек из образа, воссозданного художественным гением, превратился в экран, на котором любой дилетант и часто невежда делает какие-то записи, схемы, записывает афоризмы, формулирует огромное количество противоречивых истин. Очищение и гармонизация этого процесса является насущной потребностью общества, удовлетворить которую может не перестроечная, а созидательная концепция развития гуманитарного образования. Кроме того, очевидно, что природа значительно богаче красками и формами, чем живопись и художественный текст. Получается, что литература больше упрощает мир, нежели его обогащает. Мир разнообразнее, богаче цветами, звуками, интонациями, тонами и полутонами, чем любой, даже самый совершенный текст. Поэтому традиционное литературоведение сегодня не способствует глубокому постижению текста. Современная литературная практика требует иного подхода, основанного на экстерииоризации, что должно изменить и методику преподавания литературы в школе и в вузе.

Методика культурологического диалога представляется в сложившейся ситуации весьма плодотворной. Под культурологическим диалогом мы понимаем извлечение новых смыслов из традиционного образовательного материала, поскольку все существующие подходы и методики в педагогике в целом повторяют друг друга и поэтому дают стереотипную модель работы с учеником. Возможно, настало время усилить вербальную форму общения с учеником формой невербального диалога, что ни в коем случае не должно разрушить диалог словесный, а его стимулировать. Невербальное

педагогическое пространство – это обращение к окружающей ребёнка и молодого человека среде, запаху, цвету, пластике, возможно, и вкусу. Безусловно, родители ведут в школу детей прежде всего затем, чтобы они говорили. Эта интенция сохраняется, но настало время прибавить к этому невербальные факторы педагогического процесса. Опираясь только на старый образовательный материал сегодня непродуктивно, поскольку уже сама социокультурная ситуация направляет исследование, подсказывает новые подходы и методы в образовании. Проблема в том, что учитель должен создать на уроке модель «открытой коммуникации, что уравновешивало бы все односторонние подходы в педагогике. Интегрируя в себе опыт разных знаний, культурологический диалог открывает новые возможности воздействия на личность, формирует пластичность мышления.

В-третьих, бытие человека никогда не сводится только к материальному плану. Между тем мы имеем выпускника школы, который не имеет примера для подражания. Прежний антропологический идеал был разрушен, появился новый идеал, который строится по прямо противоположным источникам. Если антропологический идеал человека до 1990-х годов XX века вырастает из Великой отечественной войны – это герой-патриот, то новый идеал «выходит» из ночного клуба – это тусовщик или «человек гламурный», для которого досуг – это основная цель жизни [13, с. 250]. «К важнейшим типологическим признакам гламура принадлежит перфоматичность, принцип карнавализации, гибридизация, универсальность, его коммерческая основа и визуальная природа репрезентации, а также предельная типизация образов и их строгая иерархичность» [13, с. 250]. Если информацию об идеале молодой человек раньше черпал из книг, то новый идеал активно транслируется аудиовизуальной культурой, это экранный (визуальный) образ. Антропологический идеал раньше был предметом внутреннего подражания, новый – предметом только внешнего подражания. Таким образом, идеал сегодня не становится орудием формирования личности.

Идеал сегодня отождествляется не с героем, а с кумиром. Отечественное образование не даёт молодому человеку разграни-

чения идеала и кумира, поэтому у нас нет героев, но есть фанаты. Фанаты – это придатки «человеческой машины», поскольку они заряжаются энергией другого человека, но машинным образом. Они копируют внешние признаки кумира: причёску, жесты, стиль одежды и т.д. Это механическое подражание образцу, то есть элементарное. Так возникают двойники. В теории героя всегда была заложена идея исключительности. Институт двойников указывает на обратное, то есть на формировании массовости, однотипности и стандартности. Между тем взаимодействие человека и культуры – двусторонний процесс. С одной стороны, появление культуры связано с тем, что человек осознаёт свою неповторимость и уникальность. Обращение к человеческой индивидуальности начинается с эпохи Возрождения, когда складывается принцип единственности и оригинальности каждого человека. Это находит отражение в истории жанра портрета. «Ошибочно полагать, что портретом можно считать лишь изображение людей или в крайнем случае животных. Картина является портретом тогда, когда художник переносит на холст индивидуальность объекта. Портрет... стремится индивидуализировать объект. Он превращает любую вещь в уникальную, единственную» [12, с. 36]. Ренессансный портрет рассчитан на узнаваемость, поскольку подчёркивает неповторимость человека. Портрет становится средством самопознания, рефлексии, рождает ощущение неудовлетворённости собой. Высокую культуру творили исключительные личности, массовую культуру творят штампы и стереотипы. Вопрос в том, на формирование исключительности или массовости направлено современное гуманитарное образование?

В-четвёртых, культура, с точки зрения З. Фрейда, с момента появления «эдипова комплекса» превратилась в систему норм и запретов, о чём исследователь писал в своей работе «Недовольство культурой». Более того, культура не может существовать, если внешние ограничения не станут для людей внутренними. Фрейд говорил, что «ограничения представляют собой не что иное, нежели религиозные или моральные запрещения. Они сводятся не к заповеди бога, а запрещаются собственно сами собой. От запретов морали они отличаются

отсутствием принадлежности к системе, требующей вообще воздержания и приводящей основание для такого требования. Запреты, табу, лишены всякого обоснования. Они неизвестного происхождения. Непонятные для нас, они кажутся чем-то само собой разумеющимся...» [17].

Так, культура – это всегда запреты, табу, о которых знали ещё первобытные люди. «Дело идёт о целом ряде ограничений, которым подвергаются первобытные народы... они подчиняются этому, как чему-то само собой понятному, и убеждены, что нарушение табу само собой повлечёт жесточайшее наказание... Запрещения большей частью касаются стремления к наслаждению, свободы передвижения и общения...» [17]. Экспликации инстинктов в форме культурных или антикультурных символов дают интересный материал для понимания антропологических характеристик современной культуры и современника. Дело в том, что образование сегодня демократично, как и вся культура, и не предполагает никаких запретов, строясь по принципу «всё можно». В демократическом образовании сняты все табу. Возникла «школа без запретов». Хорошо ли это? Этика образования строится на табу: не делай плохо, не говори плохо, не думай плохо. Известный культуролог Клод Леви-Строс, занимаясь изучением «дикарей» Южной и Северной Америки, отмечал, что эволюция человечества не может измеряться только техническими достижениями, а осуществляется ещё и другим путём, связанным с сохранением изначально установленных связей человека с природой. С этой точки зрения, «примитивные» народы являются более развитыми, чем «цивилизованные», поскольку не утратили связи с природой и существуют в гармонии с окружающим миром. К. Леви-Строс пишет о существовании в первобытных культурах разного рода запретов (на пищу, на слова и т.д.) [8]. Возрождение человека, на наш взгляд, строится на возрождении табу.

В-пятых, ещё одна проблема связана с тем, что гуманитарное образование начинается с Образа. Сначала это был натуралистический, затем знаково-символический, потом метафизический, эстетический или идеологический образ, то есть доминанта каждой культурной эпохи, который помогал оторваться от сиюминутных потребностей плоти

и вспомнить о душе. «Сегодня нет такого образа культурной эпохи и, что особенно беспокоит, нет и потребности в нём. Но «Бог умер, значит всё дозволено» (Ницше), поэтому и человека можно лишиться его существенных свойств – в этом суть глобальной деантропологизации, которая столь разрушительно повлияла и на всё образование» [13, с. 8].

Исключение образности в духовно-нравственном воспитании молодого современника стало осознаваться как существенный просчёт при формировании личности совсем недавно» [13, с. 355–358]. В его появлении никак нельзя винить психологов, дидактов или искусствоведов, поскольку с последней трети прошлого столетия внимание к этой стороне их совместной деятельности было постоянным и многоаспектным. Человек стал в принципе не интересен человеку и, как следствие, потерял объём, который возникал в стремлении постичь логику, понять суть ошибок, испытать восторг от подвига людей, что служило источником возникновения множества образов, указывавших путь другим, сделавших выход к высшим точкам бытия. Сегодня человек «завис в точке невозврата» и пребывает в состоянии насыщенной пустоты. Это означает, что он до предела загружен, многое успевает, всё осознаёт, имеет множество планов и намерений, но всё это упирается в тупик его собственного Я, создавая ощущение «бегства от свободы» (Э.Фромм), которой он так долго и трудно добивался.

Кратчайший путь возвращения к человеку — через образ, наполненный антропологическим содержанием, что делает его «чужим» и «своим» одновременно, что также позволяет «возлюбить» его «как самого себя». Такая философия образа общезначима в эпоху тотальной деантропологизации, но особенно — в сфере нравственного воспитания личности. Аналитическая образность обусловлена стремлением увидеть и понять, что вызывает всеобщую восторженную реакцию.

Образность предстаёт интегративным понятием, совпадающим с широкой духовной практикой, порождающим новую креативную реальность. Это означает, что образность становится движением к творчеству, которое понимается как динамичное состояние самой

личности, способной использовать культурный опыт в своей жизненной ситуации. При этом следует учесть, что существует некое сопротивление образу, который не требует себе хозяина, застыв в выжидательной позе готовности на любой союз.

Реконструкция вместо интерпретации — такая же тенденция современного мышления, как, например, «литература нонфикшн», где реально-документальное доходит до современника быстрее и воспринимается убедительнее, чем то, что он считает «придуманным», не веря в реальность существования образов. Вот почему тщательно составленная реконструкция образа означает восстановление культурно-образовательных связей с Другим и созданной им культурой. Индивидуальный акт познания оказывает существенное влияние на состояние современности, несёт в себе высший нравственный смысл.

Образность создаёт особую среду, которая сегодня оказалась разрушенной. Возникли полинациональные школы, происходит постоянная ротация учащихся, что привело к тому, что среда стала фактором безразличным к подготовке человека.

Таким образом, интегрирующая концепция гуманитарного образования, несводимая к унификации, а, напротив, раскрывающая многообразие воплощений и смыслов, создаёт основу для консолидации образовательного труда и социального отклика на него. Человек, обучающий человека, но не скованный stagnирующими предписаниями, а творчески осмысливший цели и задачи своей деятельности, выступает как живой элемент взаимодействия с учениками, с коллегами, с обществом, выступающими индикаторами нарушенного равновесия, стимулом к совместному поиску нормы (но не стандарта!) [16, с. 646–650]. Человек как источник и ресурс гуманитарного образования должен, в итоге, прийти к самому себе, преодолевая «технические» подходы к своему формированию и личностному развитию.

Образовательная синергетика в этой связи представляется перспективной сферой и мировоззренческим ориентиром в поиске новой методологии, ориентированной на многообразие и плюрализм. Один из принци-

пов гуманитарного образования в том, что, основываясь на всеобщих идеях, оно должно быть адресным, рождающимся в каждом конкретном случае заново. Безусловно, это сложная задача. Первоочередные меры по решению возникающих проблем доступны педагогам с новым гуманитарным мышлением и рассматривающим образование как некий непрерывный Текст становления человека, в котором нет деления на традиции и инновации [1]. □

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Валева Е.В.* Аналоговая модель современного образования // *Обсерватория культуры*, 2014. № 1. С. 96–101.
2. *Валицкая А.П.* Как возможна общая теория образования, или о междисциплинарном статусе понятия «диалог» // *Диалог в образовании. Сборник материалов конференции. Серия “Symposium”, выпуск 22.* СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. URL: http://anthropology.ru/texts/laverycheva/educdial_38.html (дата обращения 01.11.2014)
3. *Воспитание культурой: Учебно-методическое пособие / Под ред. В.А. Фортунатовой.* – Н. Новгород: изд-во НГПУ, 2011. — 127 с.
4. *Горюнова О.* «Мужская литература» Удаффкома и другие практики культурного сопротивления. URL: <http://www.ruhr-uni-bochum.de/russ-cyb/libraru/texts/ru/controlshift.htm>.
5. *Гранин Д.А.* Круглый стол: О нравственности, патриотизме, культуре и бескультурье // *Вопросы философии*, 2009, — № 11. — С. 3-27
6. *Журавлева Е.Ю.* Современные модели развития гуманитарных наук в цифровой // *Вопросы философии*, 2011, № 5. С. 91–99.
7. *Канке В.А.* Современная этика. – М.: Издательство «Омега-Л», 2007. – 394 с.
8. *Леви-Строс К.* Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
9. *Малюк В.И., Немчин, А.М.* Производственный менеджмент. – СПб.: Питер, 2008. – 288 с.

10. *Марков Б. В.* Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. - СПб: Алейтейя, 1999. – 304 с.

11. *Ноговицын Н.О.* Диалог и смысл // Диалог в образовании. Сборник материалов конференции. Серия “Symposium”, выпуск 22. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/laverycheva/educdial_38.html (дата обращения 01.11.2014)

12. *Ортегга-и-Гассет Х.* Веласкес. Гойя. – М.: Республика, 1997. –360 с.

13. *Руднева Д.А.* «Человек гламурный» как социокультурный конструкт общества потребления: к вопросу о методах исследования современной культуры // III Культурологический конгресс с международным участием, 2010. — С. 250

14. *Фортунатова В.А.* Антропология образных состояний как нравственно-дидактическая проблема // Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2011. — № 4 (29). — Ч. 1. – С. 355–358.

15. *Фортунатова В.А.* Гуманитаризация вузовского образовательного процесса как исследовательская проблема // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — Н.Новгород, 2013. — № 5(2). — С. 204-210.

16. *Фортунатова В.А.; Валеева, Е.В.* Одномерный человек в многомерном обществе как специфика современного образования // Science and Education: materials of the 11 international research and practice conference, Vol. 11, munich, Desember 18-19/ 2012 / publishing office Vela Verlag Waldkraiburg – Munech – Germany. 2012. P. 646–650.

17. *Фрейд З.* Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии // Труды разных лет. Книга 1:. – Тбилиси: Издательский дом «Мерани», 1991. — 220 с.